

DOI 10.15826/qr.2019.2.390
УДК 94(44)"1738/1750"+327.82+316.653

**РУССКИЕ И ДАТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ В ПАРИЖСКОМ
ОБЩЕСТВЕ: КНЯЗЬ АНТИОХ КАНТЕМИР
И ГРАФ ИОГАНН ФОН БЕРНСТОРФ
ПОД НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ***

Александр Строев

Университет Новая Сорбонна Париж-3,
Париж, Франция

Денис Кондаков

Полоцкий государственный университет,
Полоцк, Белоруссия

**RUSSIAN AND DANISH DIPLOMATS IN PARISIAN
SOCIETY: PRINCE ANTIOCH CANTEMIR
AND COUNT JOHANN VON BERNSTORFF
UNDER POLICE SURVEILLANCE**

Alexander Stroev

New Sorbonne University Paris-3,
Paris, France

Denis Kondakov

Polotsk State University,
Polotsk, Belarus

Referring to official and private correspondence, memoirs, and police reports, this study compares the cultural references and social practices of Prince Antioch Dmitrievich Cantemir and Johann Hartwig Ernst von Bern-

* *Citation*: Stroev, A., Kondakov, D. (2019). Russian and Danish Diplomats in Parisian Society: Prince Antioch Cantemir and Count Johann von Bernstorff under Police Surveillance. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 2. P. 507–524. DOI 10.15826/qr.2019.2.390.

Цитирование: Строев А., Кондаков Д. Русские и датские дипломаты в парижском обществе: князь Антиох Кантемир и граф Иоганн фон Бернсторф под надзором полиции // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 507–524. DOI 10.15826/qr.2019.2.390.

storff, two diplomats serving in Paris consecutively between 1738 and 1750. The Russian and Danish ambassadors had a shared interest in literature and the sciences. They both communicated with Montesquieu and Voltaire, the most notable philosophers and writers of their time. However, their relations with these men of letters and their participation in the social life of the French capital were fundamentally different. Police reports demonstrate that the Russian ambassador was content with quite modest company, which mostly included foreign diplomats, French scientists, and writers. Outside this circle, he only contacted “useful” people to get information. Police reports do not mention Cantemir’s meetings with Montesquieu at all, although they had very much in common. In contrast, Bernstorff shone in Parisian beau monde, had numerous acquaintances in various spheres, and received both Voltaire and Montesquieu at his home. However, their contact with him remained limited. The patriarch of Ferney seldom visited the Danish diplomat and only wrote to him about practical matters. Montesquieu showed courtesy to Bernstorff but did not share his literary plans with him. The Parisian beau monde commented ironically upon the Danish diplomat’s manners. Consequently, both Cantemir and Bernstorff, with the former preferring philosophical solitude to fashionable entertainment and the latter willing to become famous in the Republic of Belles-lettres by means of contacts with Voltaire and Montesquieu, failed to establish themselves in the social life of Paris. In the eyes of the beau monde, they remained enlightened barbarians, incarnate characters of the *Persian Letters*.

Keywords: Antioch Cantemir; Johann von Bernstorff; Parisian police; Voltaire; Montesquieu; public opinion; *Persian Letters*.

На материале официальной и частной переписки, мемуаров, полицейских донесений сопоставляются культурные ориентиры и социальные практики двух дипломатов, служивших в Париже между 1738 и 1750 гг., князя Антиоха Дмитриевича Кантемира и графа Иоганна Хартвига Эрнста фон Бернсторфа. Русского и датского посланников объединял интерес к литературе и наукам. Они оба вступили в контакт с виднейшими мыслителями и писателями своего времени – Монтескьё и Вольтером. Характер отношений Кантемира и Бернсторфа с философами, равно как их участие в общественной жизни французской столицы, были принципиально разными. Полицейские донесения показывают, что русский посланник довольствовался в Париже относительно скромным обществом. Его составляли по преимуществу иностранные дипломаты, французские ученые и литераторы. Вне этого круга он контактировал лишь с теми, кто мог быть полезен для получения информации. Рапорты инспекторов не упоминают о встречах Кантемира и Монтескьё, в то время как их связывало очень многое. Бернсторф, напротив, блистал в парижском высшем свете, имел широкий круг знакомств в разных сферах и принимал у себя и Вольтера, и Монтескьё. Однако их контакты оставались ограниченными. Фернейский патриарх редко

бывал у датского дипломата, переписывался с ним лишь по деловым вопросам. Монтескьё держался с Бернсторфом учтиво, но не посвящал в свои литературные планы. Парижский высший свет весьма иронично комментировал манеры датского дипломата. Таким образом, и Кантемир, предпочитавший философское уединение светским увеселениям, и Бернсторф, стремившийся завоевать известность в «республике словесности» благодаря связям с Вольтером и Монтескьё, потерпели неудачу в общественной жизни Парижа. Они остались в глазах высшего света просвещенными варварами, воплощенными персонажами «Персидских писем».

Ключевые слова: Антиох Кантемир; Иоганн фон Бернсторф; парижская полиция; Вольтер; Монтескьё; общественное мнение; «Персидские письма».

В письме к Этьену Дамилавиллю от 4 февраля 1767 г. Вольтер восхваляет величие и человеколюбие датского короля Кристиана VII за помощь семье Сирвенон: «Tout vient du Nord» [Voltaire, p. 318]. Четырьмя годами позднее похожая формулировка появляется и в стихотворном послании Екатерине II, приложенном к письму императрице от 27 февраля 1771 г. Философ воспекает государственные реформы и военные победы русских, утверждая: «C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière»¹ [Voltaire, Catherine II, p. 176]. Таким образом, Россия и Дания становятся столпами культуры в глазах просвещенной Европы, оставаясь соперницами.

Согласно ментальной карте XVIII в., обе страны расположены на Севере, но играют разные роли на политической сцене. Российская военная мощь заметно превосходит возможности скандинавского королевства, однако в культурном отношении этот перевес нивелируется. В начале XVIII в. Россия представляется страной совсем юной, и, сравнивая состояние искусств, нравов и наук в двух странах, наблюдатели приходят к выводу, что в Дании они более развиты. Датский путешественник Педер фон Хавен, побывавший в России в 1736–1739 гг. с целью понять ее культуру, оправдывает некоторые «грубости» русских, но в итоге ставит состояние дел на своей родине выше [Хавен]. По выходе российской державы на европейскую сцену мнения начинают понемногу меняться в ее пользу [Лиштенан]. В 1751 г., заступая на кафедру французской словесности, Англивьель де Лабомель произносит речь, в которой, прославляя цивилизационные усилия датских монархов, сравнивает их с деятельностью Петра Великого [Méhégan, p. 14].

Культурные различия между двумя странами проявлялись в привычках и социальных практиках их дипломатических представителей князя Антиоха Дмитриевича Кантемира и графа Иоган-

¹ «Так днесь к нам с Севера приходит свет» (здесь и далее перевод авторов статьи. – Прим. ред.).

Й. Вагнер. Портрет А. Д. Кантемира.
1738 г. Репродукция гравюры с картины
Я. Амигони

J. Wagner. Portrait of A. D. Cantemir. 1738.
Reproduction of an engraving
from a picture by J. Amigoni

П. Альс. Портрет И. фон Бернсторфа.
XVIII в.

P. Als. Portrait of J. von Bernstorff.
18th century

на Хартвига Эрнста фон Бернсторфа, Кантемир находился на посту русского посланника в 1738–1744 гг., Бернсторф представлял Данию с 1744 по 1750 г.

Князь Антиох Кантемир: философское одиночество

Антиох Кантемир, человек знатного происхождения, блестящего образования и выдающегося литературного таланта, довольствовался в Париже относительно скромным обществом. В поле зрения французской полиции попадают встречи Кантемира в 1741–1742 гг. с коллегами – саксонским посланником графом Иоганном Адольфом фон Лоссом, послами Священной империи князьями Иосифом Венцелем Лихтенштейном и Луи-Жозефом д'Альбер де Люин-Гринбергенем, представителем Тосканы Франсуа-Жозефом де Шуазелем, маркизом де Стенвилем, венецианским посланником Андреа да Лецце, чрезвычайным послом Португалии Луишем да Куньей, а также представителями Дании и Вюртемберга Нильсом Краббе Виндом и Иоганном Рудольфом Фешем. Все они – дипломаты союзных держав России и соперниц Франции во время войн за польское и австрийское наследство.

В 1737 г. Кантемир способствует восстановлению дипломатических отношений между Россией и Францией, и его назначение в Париж становится наградой за усилия. Страны стремятся к сближению,

но все заканчивается в 1744 г. провалом, за которым в 1748 г. следует разрыв официальных отношений. Шпионы, наблюдающие за Кантемиром и опрашивающие его слуг, замечают 3 октября 1741 г., что его отношения с кардиналом Флери, главным государственным министром, и Жан-Жаком Амело де Шайу, министром иностранных дел, оставляют желать лучшего:

Les domestiques de l'ambassadeur de Moscovie disent que Son Excellence est extrêmement piquée de la réception que lui a faite Mgr le cardinal de Fleury lorsqu'il fut lui annoncer que les Suédois avaient été battus dans la dernière affaire. Son Excellence se plaint aussi de M. Amelot qu'il dit lui avoir tourné le dos quand il a été chez lui au même sujet² [BA. Ms10287. F. 250r°; Lozinski, 1925a, p. 232–233].

21 января 1742 г., когда ранг Кантемира официально повышен до статуса посла, Амело пишет в Санкт-Петербург маркизу де ла Шетарди:

Je ne dois point vous laisser ignorer que de tous les ministres étrangers qui sont ici, il n'y a point qui soit si anglais et si autrichien que le prince de Cantemir et je ne présume pas qu'aucun cas ses relations puissent être à notre avantage³ [СИРИО, с. 53].

Поведение князя Кантемира тем более подозрительно, что он не считается с полицией, уходит от слежки и не пускает в свой дом незнакомцев. Из рапорта в рапорт повторяются сетования на то, что шпионы не могут уследить за князем, чей экипаж слишком скор для пешего наблюдателя, к тому же на запятках кареты всегда стоит лакей. Инспектор Жан Пуссо подчеркивает, что Кантемир не дает никакой возможности внедрить к себе в дом соглядатая: нанимает слуг, которые имеют рекомендации от знакомых, запрещает пускать в дом тех, кто покинул у него службу [BA. Ms10287. F. 262r°, 272r°, 487r°]. Для «просвещенной» полиции, замечает Венсан Мийо, любая попытка ускользнуть от ее надзора становится серьезной причиной для подозрений [Milliot, p. 288].

Недовольство князя Кантемира полицейской слежкой находит отклик в его «Сатире III», окончательный вариант которой сложился в 1743 г. в Париже. В ней на сцену выводится чрезмерно любопытный персонаж:

² «Слуги московского посланника говорят, что его превосходительство весьма уязвлен приемом, который ему оказал монсеньор кардинал Флери, когда он прибыл сообщить ему, что шведы были разбиты в последнем бою. Его превосходительство также жалуется на господина Амело, который, по его словам, повернулся к нему спиной, когда он явился к нему с тем же сообщением».

³ «Не должен от Вас скрывать, что из всех посланников, находящихся здесь, нет никого, кто был бы столь дружелюбен англичанам и австрийцам, как князь Кантемир, и я не думаю, чтобы его связи могли нам быть хоть в чем-нибудь благоприятны».

С зарею вставши, Менандр везде побывает,
 Развесит уши везде, везде примечает,
 Что в домех, что в улице, в дворе и в приказе
 Говорят и делают. О всяком указе,
 Что вновь выдет, о всякой перемене чина
 Он известен прежде всех, что всему причина...
 <...>
 ...где кто с кем подрался,
 Свадается кто на ком, где кто проигрался,
 Кто за кем волочится, кто выехал, въехал,
 У кого родился сын, кто на тот свет съехал.
 Когда же Менандр новизн наберет нескудно...
 <...>
 Встретит ли тебя – тотчас в уши вестей с двести
 Насвищет, и слышал те из верных рук вести
 [Кантемир, 1956, с. 92].

Кто этот Менандр, чьи прототипы отыскиваются в «Характерах Теофраста» (раздел «О хождении новостей») и «Характерах, или Нравах нынешнего века» (главы «О творениях человеческого разума» и «О достоинствах человека») Жана де Лабрюйера? Прежде всего в нем распознается хорошо знакомая парижанам XVIII в. фигура «вестовщика» – профессионального сборщика и распространителя новостей, охочего до слухов и сплетен (услугами таких людей охотно пользовалась полиция) [Milliot, p. 151].

В 1749 г. аббат Октавиано Гуаско публикует прозаический перевод «Сатиры III» на французский язык – перевод довольно точный, но развернутый и дополняющий подробностями некоторые места оригинала. Это в особенности коснулось тем, которые волнуют полицию: карточная игра («где кто проигрался»), любовные похождения знати («кто за кем волочится»), прибытие иностранцев в Париж («кто выехал, въехал»), слухи и сплетни («что в домех, что в улице... говорят и делают») [Cantemir, p. 81–83]. Трудно с точностью определить, кто был инициатором развернутых дополнений в переводе [Lozinski, 1925c, p. 81–83]. По словам Гуаско, в конце жизни Кантемир переводил с ним сатиры на итальянский язык, затем аббат переложил их на французский [Cantemir, p. 4–5].

Очевидно, Кантемир был хорошо осведомлен о деятельности полиции. А вот полицейские информаторы плохо знают окружение русского дипломата. Интендант полиции Клод-Анри Фейдо де Марвиль помечает на полях одного из рапортов о слежке за Кантемиром:

Continuer les observations, dire qu'elles ne sont point assez exactes étant de ma connaissance que M. de Cantimir va dans beaucoup d'endroits dont il n'est point parlé dans ce rapport et qu'il reçoit aussi plusieurs personnes dont il n'est fait aucune mention⁴ [BA. Ms10287. F. 270r^o; Lozinski, 1925a, p. 238].

⁴ «Продолжать наблюдения, сказать, что они не вполне точны, ибо, по моим сведениям, господин Кантемир посещает многие места, о которых не говорится в сем рапорте, и принимает многих лиц, которые тут не упоминаются».

Попытаемся воссоздать парижский круг общения Кантемира, исходя из сведений полиции [Ehrhard; Кантемир, 1956, с. 5–51; Grasshoff]. Из донесений сил порядка следует: Кантемир посещает дома советника Парижского парламента Пьера-Алексиса Дюбуа, виконта д'Анизи, принца Шарля Лотарингского, графа д'Арманьяка и некоего графа или виконта де Руана (Г. Лозинский и М. Эрар предполагают, что речь идет о виконте де Рогане). Русский дипломат часто бывает на улице Ришелье либо у Франсуа-Оливье де Сенозана, главного интенданта по временным делам духовенства, либо у его брата Жана-Антуана, президента одной из палат Парижского парламента. Подобно Семену Кирилловичу Нарышкину и своему секретарю Генриху (Алексею) Гроссу, князь посещает банкиров Жана-Клода Туртона и Кристофа-Жана Бора. Последний из них – видный масон, но Кантемира, в отличие от Нарышкина, соединяют с ним финансовые дела, а не масонские.

Русский дипломат является завсегдатаем салона маркизы Сесиль де Монконсей, с которой он познакомился в свой первый визит в Париж в конце лета – начала осени 1736 г. В их переписке и беседах важное место занимает политика. Отправляя 23 июня / 4 июля 1741 г. в Санкт-Петербург информацию о решениях королевского совета, Кантемир сообщает, что источником сведений является маркиза де Монконсей, дама, весьма осведомленная в международных делах, и просит не компрометировать ее [Ehrhard, p. 37].

Осведомленность маркизы объясняется ее близкой дружбой с высшими государственными деятелями Жерменом-Луи Шовленом, хранителем королевской печати и секретарем министерства иностранных дел (1727–1737), графом д'Аржансоном, военным министром (1743–1757), будущим маршалом Франции герцогом Ришелье и прочими. В 1736 г. маркиза знакомит князя со своим родственником кардиналом Мельхиором де Полиньяком, дипломатом и новолатинским поэтом, автором поэмы «Анти-Лукреций» (см. письмо Кантемира госпоже де Монконсей от 19 февраля 1737 г. [Майков, с. 75]). Как свидетельствуют полицейские донесения, русский дипломат развивает знакомство в 1740-е гг., переписываясь и встречаясь с кардиналом [BA. Ms10287. F. 275r^o; Lozinski, 1925a, p. 240].

В своем доме по улице Сен-Доминик Антиох Кантемир принимает секретарей Генриха (Алексея) Гросса и Александра Модзалевского, а также русских, проживавших в Париже, – графа Андрея Ефимовского, числившегося при посольстве, уже упомянутых Семена Нарышкина и братьев Долгоруких, князей Александра Васильевича и Петра Васильевича Хованских, двух графов Головиных, личности которых нам не удалось установить, и прочих.

Французские гости приходят к русскому дипломату редко. Сглядывая упоминают лишь имена членов одной семьи: главного секретаря ведомства каторжных работ и контролера казначеев ордена Людовика Святого Оливье дю Куэдик де Кердрена, его супруги и их

дочери, Жанны Дюбуа, виконтессы д'Анизи, жены члена Парижского парламента. Инспектор Бернар Руссель докладывает 3 ноября 1742 г.:

Le premier de ce mois M. le prince de Cantemir donna à souper à trois dames l'une est Mme Danisy, une autre Mme Desportes et on n'a pas pu savoir le nom de la troisième.

Il est venu hier à midi précis aux Tuileries et en arrivant il a été tout droit joindre un particulier avec deux dames et se sont promenés ensemble jusqu'à une heure et demi. <...> il se nomme M. Deguerdran [Kerdrain], il était avec son épouse. A l'égard de l'autre dame qui était avec eux on n'a pas pu savoir qui elle était faute d'avoir pu la suivre⁵ [BA. Ms10287. F. 184r^o-v^o].

За этими встречами очевидно стоит не светская учтивость, а некий деловой интерес князя Кантемира. Таково мнение инспектора Жана Пуссо, с недоверием относящегося к русскому дипломату:

Quant à la conduite qu'il tient ici, elle est est fondée sur une politique qui accompagne toutes ses actions, il n'en fait aucune qui n'ait un but, les parties de plaisir même se font à dessein; il s'est lié avec plusieurs dames et leur donne à manger, ce n'est ni galanterie de sa part ni le plaisir de la table où il s'ennuie extraordinairement; mais comme les dames qu'il voit, sont toutes à portée de savoir ce qu'on dit, et ce qui se passe, et qu'il ne peut les entretenir d'affaires sérieuses dans les visites d'usage, il les rassemble toutes, et lorsqu'il s'aperçoit qu'elles sont disposées à parler, il ne néglige rien pour les exciter, l'homme qui m'a dit ceci, m'a assuré que le dit prince en a plus appris par ce moyen, que s'il eut eu dix espions à ses gages⁶ [BA. Ms10287. F. 264r^o-v^o; Lozinski, 1925a, p. 234].

Соглядатаи упоминают имена двух дам, которых посещает русский дипломат. Это Элен Эро, вдова интенданта полиции (1725–1739) Рене Эро, и Мари-Анна Амело, супруга министра иностранных дел, обе дамы с репутацией обаятельных ветрениц [Ehrhard, p. 198]. Следует также упомянуть о любовнице Кантемира мадемуазель д'Англебер.

⁵ «Первого числа сего месяца господин князь Кантемир дал ужин для трех дам, одна из которых госпожа д'Анизи, другая – госпожа Депорт, а имя третьей узнать не удалось.

Вчера ровно в полдень он [Кантемир] пришел в сад Тюильри и, появившись, прямо направился к некоему лицу, бывшему с двумя дамами, и они вместе прогуливались до половины второго часа. <...> Этого человека зовут господин Дегердран [Кердрен], он был со своей супругой. В отношении другой дамы, бывшей с ними, не удалось узнать, кто она такова, за невозможностью проследить за ней».

⁶ «Что до поведения, которого он [Кантемир] здесь придерживается, то оно основано на расчете, которому подчиняются все его действия, без него он ничего не совершает, даже увеселения организует намеренно. Он вступил в связь с несколькими дамами и потчует их. С его стороны тут нет ни галантности, ни удовольствия от пищи, ибо он чрезвычайно скучает за столом. Но поскольку дамы, с которыми он видится, могут знать все, что говорится и делается, а во время визитов вежливости он не может беседовать о серьезных делах, то он собирает их всех и, заметив, что они расположены говорить, не упускает ничего, дабы их разохотить. Человек, что сообщил мне об этом, уверяет, будто названный князь узнал таким способом больше, чем если бы нанял десять шпионов».

Рапорты полиции за ноябрь-декабрь 1741 г. сообщают о ежедневных визитах князя к этой даме. Инспекторам не удается проникнуть в дом, и они знают лишь, что любовница Кантемира ждет от него второго ребенка⁷ [BA. Ms10287. F. 489r^o]. Связь русского дипломата с мадемуазель д'Англебер прекращается весной следующего года благодаря Монтескьё (см. его письмо аббату Гуаско: [Montesquieu, t. 19, p. 217]). Французского философа и русского дипломата связывало вообще очень многое. Монтескьё жил в Париже на той же улице; их лечил известный окулист Клод-Дэе Жандрон [Майков, с. 54, 58–59, 61–62, 101–102, 104]; издателя для переводов сатир Кантемира на французский язык нашел Монтескьё; в его библиотеке хранился французский перевод сочинения Дмитрия Кантемира «История возвышения и упадка Османского двора» [Bibliothèque virtuelle], а у Антиоха Кантемира имелся экземпляр «Размышлений о причинах величия и падения римлян» Монтескьё. Однако полиция не упоминает об их встречах, как не делает этого и русский дипломат в своих бумагах, лишь философ изредка пишет о них аббату Гуаско.

Официальная и частная переписка Кантемира проливает дополнительный свет на его парижские знакомства [Кантемир, 1868, с. 105–329; Архив князя Воронцова, с. 337–395; Майков; Grasshoff, p. 253–333]. Его письма в Петербургскую академию наук показывают, что дипломат установил тесные связи с французскими учеными, прежде всего с иностранными членами академии – Фонтенелем, чьи «Разговоры о множестве миров» он перевел на русский язык, а академия издала в Санкт-Петербурге в 1740 г.; Мопертюи, для которого в 1739 г. он добился пенсии в 200 рублей; Реомюром, Дорту де Мераном и Клеро. Кантемир руководит книгообменом между Парижской и Петербургской академиями наук, получая научные публикации от книготорговцев Антуана-Клода Бриасона из Парижа и Пьера Гросса из Гааги и передавая их в Королевскую библиотеку.

Вольтеру Кантемир одалживает английский перевод сочинения своего отца «История возвышения и упадка Османского двора» и предлагает внести исправления в «Историю Карла XII» [Liu, p. 426–428]. За учтивым обменом любезностями, книгами и знаниями русского дипломата скрывается ирония. В переписке с маркизой де Монконсей он критикует Вольтера как историка и философа, называя его «Историю Карла XII» романом и ожидая такого же «романа» от «Письма о философии Ньютона» (1738) (см. письма от 29 ноября 1736 г. и 21 января 1737 г.) [Майков, с. 64, 71, 105–106]. Кантемир интересуется идеями Ньютона, переводит на русский язык «Ньютонизм для дам» (1739) Франческо Альгаротти, а также слушает курс экспериментальной физики под руководством аббата Ноле, изучает алгебру и пишет о ней трактат [Серман; Cantemir, p. XLIX, XCIII].

⁷ О любовной истории Антиоха Кантемира в Париже подробнее см.: [Lozinski, 1925b].

С самого начала своего пребывания в Париже князь Кантемир предпочитает общество дипломатов и ученых удовольствиям светской жизни. В этом он признается Джузеппе Осорио Аларсону, сардинскому посланнику в Лондоне, в письме от 28 ноября 1738 г.:

Je mène à cette heure une vie assez ennuyeuse. J'ai fait très peu de connaissances, et apparemment je n'en ferai pas davantage, puisqu'il faut avoir pour cela deux excellentes qualités, qui me manquent, c'est-à-dire une santé forte pour pouvoir souper et veiller, et une inclination inviolable et éternelle pour la médiature. <...> Je me retire ordinairement à dix heures après avoir un peu couru par les rues et méchauffé à deux ou trois cheminées. Ça s'entend des maisons françaises, car pour les ministres étrangers, ils vivent comme on vit partout ailleurs, c'est-à-dire ils mangent, ils boivent à des heures raisonnables, ils jouent lorsqu'il faut et ils parlent aussi: et c'est apparemment avec eux seuls que je pourrai passer des moments agréables. Vous verrez par là, Monsieur, qu'il sera bien difficile que je me familiarise avec les modes parisiennes⁸ [Grasshoff, p. 303].

Аббат Гуаско подтверждает это признание [Cantemir, p. XCV–XCVII].

Жизнь Кантемира в Париже напоминает поведение философа (« homme d'esprit »), который, говоря словами героя «Персидских писем» Монтескье, « est ordinairement difficile dans les sociétés; il choisit peu de personnes; il s'ennuie avec tout ce grand nombre de gens qu'il lui plaît appeler mauvaise compagnie... Il est porté à la critique, parce qu'il voit plus de choses qu'un autre et les sent mieux »⁹ [Montesquieu, t. 1, p. 559]. Князь, сам переведивший роман на русский язык, не мог не узнавать себя в этой характеристике.

Подобно прочим дипломатам XVIII в., как русским, так и иностранным, Кантемир содержит в Париже любовницу и, несмотря на собственные уверения, не гнушается карт (см. свидетельство Фейдо де Марвиля в письме от 12 июля 1742 г.) [Marville, p. 57]. В его задачи входит, с одной стороны, завязывать полезные знакомства с целью получить важные сведения, с другой, блистать при дворе и в столице, демонстрируя величие своей державы. Однако душевные наклонности, денежные затруднения, долги, доходившие до 12 тыс. руб.

⁸ «Я веду ныне весьма скучную жизнь. Я завел очень мало знакомств и, по всей вероятности, больше не заведу, ибо для этого следует иметь два отличных качества, которых мне недостает, то есть крепкое здоровье, дабы бдеть за ужинами, и нерушимую вечную склонность к карточной игре. <...> Обычно я откланиваюсь в десять часов, после того как исколешу улицы и погрееусь у двух-трех каминов. Тут я разумею французские дома, ибо иностранные посланники здесь, как повсюду, то есть едят и пьют в уместный час, играют, а также ведут беседы, когда нужно. По всей вероятности, с ними одними я смогу проводить приятные мгновения. Отсюда Вы увидите, сударь, что мне трудно будет привыкнуть к французским модам».

⁹ «...обычно бывает разборчив в отношении общества; он избирает для себя немногих; ему скучно с той массой людей, которую он привык называть дурным обществом... Он склонен к критике, потому что видит и чувствует многое лучше, чем кто-либо другой» [Монтескье, с. 343].

(см. письмо Кантемира М. И. Воронцову от 20/31 января 1743 г.: [Архив князя Воронцова, с. 352]), болезни, мешавшие ему часто бывать в Версале, препятствуют исполнению второй части этой миссии. Уточним, что русское правительство плохо субсидировало Кантемира, а наследство отца было отсужено у него родственниками, иначе получится, что Кантемир просто много проигрывал в карты.

Граф Иоганн фон Бернсторф и общество философов

Поведение Кантемира на посту посла в Париже контрастирует с жизненной стратегией Иоганна фон Бернсторфа, который получает назначение полномочным послом Дании во Франции в апреле 1744 г., приезжает во французскую столицу вскоре после смерти русского посланника и попадает в поле зрения полиции в конце октября. Первый из длинной серии рапортов показывает, что Бернсторф чаще всего принимает у себя тех же дипломатов, что составляли общество князя Кантемира: представителя Саксонии и Польши графа Лосса, португальского посланника да Кунью, посла Венеции да Лецце, вюртембергского посланника Феша и поверенного в делах России Генриха Гросса (рапорт от 30 октября 1744 г.) [ВА. Ms10289. F. 406r^o]. Этот круг остается единственным местом, где пересекаются пути преемника князя Кантемира и датского посла.

В отличие от Кантемира, Бернсторф не скрывается от полиции, его перемещения, визиты и званые обеды хорошо известны версальскому кабинету. Французское общество датского посла состоит из самых видных представителей высшего парижского света [Friis, p. 137–243]. В 1746 и 1747 гг. Бернсторф каждый день бывает на обедах у герцогини Мари де Бель-Иль, супруги маршала Франции [Bernstorffske Papirer, bd. 2, S. 611–616]. Он также принят в домах герцогини Мэнской, герцогини де Лавальер, герцогини де Мирпуа, принцессы де Тальмон, принцессы де Субиз, госпожи де Тансен, госпожи де Буфлер, маркизы Дюдефан и генерального откупщика податей Лапопелиньера. Полиция не располагает осведомителями в домах таких высокопоставленных особ, поэтому о характере отношений с ними Бернсторфа можно судить по более поздним откликам. Например, в письмах маркизы Дюдефан 1750–1751 гг. упоминается об общих встречах с Вольтером и Монтескье [Bernstorffske Papirer, bd. 2, S. 667] и о литературных новинках, живо интересующих дипломата.

Если хозяйки салонов получают в лице Бернсторфа ценного гостя (иностранный посланник – обязательный гость модного общества), то сам датский дипломат, любитель наук и искусств, пытается войти через их двери в «республику словесности». Его интересы свидетельствуют о большой широте кругозора. Регулярно бывая в Комеди Франсез, как того требуют светские обычаи, Бернсторф совершает покупки у книготорговца Про, знакомится с образованием иезуитов, посещая их новициат на улице По-де-Фер (рапорт от 27 января

1746 г.) [BA. Ms10290. F. 51v^o]. Его излюбленными собеседниками становятся Эмили дю Шатле и Луи-Антуан Кроза, барон де Тьер, обладатель обширной коллекции произведений искусства. С «прекрасной Эмили» Бернсторф встречается гораздо регулярнее: полиция отмечает его визиты к подруге Вольтера 25 августа и 14 сентября 1746 г., затем 27 марта 1747 г. [BA. Ms10292. F. 220r^o; Ms 10291. F. 15r^o; Ms 10293. F. 82r^o]. Вообще общество датского посланника в Париже преимущественно женское.

Датский дипломат сам дает званые обеды и ужины, на которых появляются, согласно наблюдениям полиции, Вольтер и Монтескьё. Из донесений о слежке за иностранными дипломатами за 1740-е гг., впрочем, не являющихся исчерпывающим источником, видно, что Бернсторф – единственный из иностранных посланников в Париже, кто принимает у себя обоих философов.

Вольтер – редкий гость, но он приходит в важный период своей жизни. 20 апреля 1746 г., за пять дней до избрания во Французскую академию, он появляется в первый раз на званом ужине вместе с госпожой дю Шатле и оказывается в компании с герцогиней де Лавальер, маркизой де Буфлер, маркизом де Кревекером, графом де Круаси, шевалье де Бель-Илем, сыном маршала Франции, шевалье де Грилем и неким англичанином Дженсеном [BA. Ms10290. F. 227v^o]. Затем утром 5 мая, за четыре дня до произнесения инаугурационной речи во Французской академии, философ наносит Бернсторфу новый визит [BA. Ms10290. F. 258v^o].

Следующая их встреча будет замечена полицией почти через год, 28 марта 1747 г. Круг приглашенных почти тот же. К Вольтеру и госпоже дю Шатле присоединяются, помимо привычных гостей, англичане Дженсен и Стафорт, герцогини де Лавальер и маркизы де Буфлер, принц Шарль-Жюст де Бово-Краон и граф де Стенвиль [BA. Ms10293. F. 82r^o–v^o]. На этот раз сделан лотарингский акцент, поскольку трое последних так или иначе связаны с двором Станислава Лещинского. Мари-Франсуаза-Катрин де Бово-Краон, маркиза де Буфлер, с 1745 г. была любовницей бывшего польского короля, и каждый ее приезд из Люневилля в Париж становился поводом для пышных приемов [Maugras, p. 150–152]. Выходец из Лотарингии граф де Стенвиль, будущий герцог де Шуазель, в 1750–1770 гг. будет вести регулярную политическую переписку с Бернсторфом, в которой найдется место новостям литературной и театральной жизни, пребыванию Вольтера в Пруссии, событиям в салоне госпожи Дюдефан (см. письмо от 1 июля 1751 г.: [Bernstorffske Papirer, bd. 2, S. 635]) и прочему.

Несмотря на то, что Вольтер и Бернсторф встречаются редко, они не теряют друг друга из виду. В 1750 г. дипломат получает повышение на пост министра иностранных дел и покидает Париж. Из Копенгагена он следит за ссорами Вольтера с Мопертюи и Лабомелем [La Beaumelle, t. 6, p. 485–487; t. 7, p. 439–441]. В 1760-е гг. фернейский патриарх дважды прибегает к посредству своего знакомого:

в 1762 г. – чтобы добиться от датского двора участия в подписке на собрание сочинений Корнеля [Bessire], и в 1766 г. – чтобы получить поддержку Кристиана VII в деле Сирвенов.

Вместе с тем, Бернсторф невысоко ценит воззрения Вольтера. Находясь во Франции в 1768 г., датский министр узнает ложную новость о смерти Вольтера и передает ее своему племяннику Андреасу Петеру Бернсторфу со словами: « Il a passé, sans y être préparé, dans cet autre monde dont il aurait si volontiers voulu détruire l'existence. Quel sort effrayant »¹⁰ [Bernstorffske Papirer, bd. 1, S. 492]. Племянник отвечает дяде в том же духе, называя смерть патриарха «избавлением для всего света» (« une délivrance pour le monde entier ») [Bernstorffske Papirer, bd. 1, S. 567].

Иоганн фон Бернсторф гораздо больше расположен к Монтескьё. В 1747 г. датскому дипломату даже кажется, что он снискал особое расположение автора «Персидских писем», но, как мы увидим, это было лишь фантазией. Полицейские бумаги позволяют установить, что первые контакты между Бернсторфом и Монтескьё относятся к середине января 1747 г. 16 января философ один является с визитом к дипломату. Через два дня он оказывается в компании за ужином, на котором также присутствуют маркиз де Кревекер, герцог и герцогиня де Лавальер, маркиза де Буфлер, герцог Люксембургский, англичане Дженсен и Стафорт, граф де Стенвиль, герцогиня де Мирпуа и шевалье Блез-Мари д'Эди, близкий знакомый Монтескьё [BA. Ms10293. F. 19r°]. Как мы видим, «философские ужины» Бернсторфа собирают почти один и тот же круг.

Контакты между Монтескьё и датским дипломатом могли завязаться благодаря рекомендации маркизы де Тансен или герцогини де Мирпуа. Имена этих дам часто фигурируют в полицейских донесениях о Бернсторфе в 1746–1747 гг., обе они входят в число ближайших собеседниц Монтескьё во время его пребывания в Париже летом 1742 г. и в 1747 г.

Встречи Бернсторфа и Монтескьё 16 и 18 января 1747 г. – их единственные контакты, замеченные полицией. Но они продолжают видаться и вне поля зрения соглядатаев. Вероятно, именно в эти дни дипломат напоминает философу об их общем друге графе Кристиане-Августе фон Беркентине, датском посланнике в Вене (1722–1740), впоследствии управляющем Коммерц-коллегией и главным воспитателе будущего короля Кристиана VII. Бернсторф передает Беркентину приветствия от Монтескьё письмом от 23 января 1747 г. Ответное послание отправляется из Копенгагена 25 февраля с вопросами о возможном продолжении «Персидских писем» и переиздании трактата «Размышления о причинах величия и падения римлян» [Bernstorffske Papirer, bd. 2, S. 66].

¹⁰ «Он ушел, не будучи к этому подготовлен, в тот иной мир, существование которого он с такой охотой бы разрушил. Какая страшная судьба».

Бернсторф передает Беркентину слова философа 14 апреля:

Le président de Montesquieu a été infiniment touché de l'article de la lettre de Votre Excellence qui le regarde. Il m'a chargé de lui en témoigner toute sa reconnaissance, et de lui dire que puisqu'elle désirait une nouvelle édition des *Causes de la grandeur et de la décadence des Romains*, il y travaillerait, mais sans son suffrage qui l'animait il n'y aurait plus songé. Pour les *Lettres persanes*, il n'y pense plus. Cependant, il écrit toujours, et je me flatte qu'il travaille en secret à quelque nouvel ouvrage qui sera sûrement bon. Ses yeux sont dans un état pitoyable, mais son esprit et sa gaieté sont toujours les mêmes¹¹ [Bernstorffske Papirer, bd. 2, S. 71].

Отметим точность, с которой дипломат говорит о литературных и медицинских делах, но также и сдержанность философа. Судя по вежливым оборотам, которые передает Бернсторф, Монтескьё избегает откровений в общении со своими датскими друзьями. В самом деле, новое издание «Причин величия и падения римлян» появится через год, однако королевская привилегия на него была выдана еще в 1743 г. То же и «О духе законов»: это «новое сочинение» будет готово и отправлено издателю в июне 1747 г., но Бернсторфу о том ничего не ведомо. Датский дипломат, как Кантемир и Монтескьё, лечится у доктора Жандрона (рапорт полиции от 19 сентября 1746 г.: [BA. Ms10292. F. 16r°–v°]), но это не позволяет ему узнать больше того, что известно всем: Монтескьё очень плохо видит.

После отъезда Бернсторфа из Парижа Монтескьё продолжает поддерживать с ним учтивые и при этом поверхностные отношения. В письме от 14 июня 1750 г., через месяц после расставания, философ передает дипломату наилучшие пожелания от общих друзей (герцогини де Лавальер, четы Мирпуа, госпожи Дюдефан) и просит напомнить о себе графу фон Беркентину¹². Ничто не позволяет предположить, что в этом круге шли беседы на философские темы.

Будучи почитателем и собеседником великих литераторов в Париже, Бернсторф пытается играть иную роль в Копенгагене, становясь проводником французского Просвещения. Среди его удач – протекция Лабомелю, который устраивается в Дании благодаря рекомендательному письму от Монтескьё [Lauriol, p. 251–299]. Под патронажем Бернсторфа выходит «Датский меркурий» (*Mercurie danois*, 1753–1760),

¹¹ «Президент Монтескьё был безмерно тронут той частью письма вашего сиятельства, что касалась до него. Он поручил мне засвидетельствовать Вам свою признательность и сказать, что поскольку Вы желаете нового издания “Причин величия и падения римлян”, он будет над ним работать, но без Вашей поддержки, что его вдохновляет, он бы о том и не помыслил. Что до “Персидских писем”, то он о них более и не думает. Между тем, он по-прежнему пишет, и я льщу себя мыслью, что он тайно работает над неким новым сочинением, которое непременно окажется хорошим. Глаза его в жалком состоянии, но разум и веселость неизменны».

¹² Содержание этого письма, хранящегося в Королевской библиотеке Дании, было любезно сообщено нам госпожой Катрин Вольпяк-Оже.

франкоязычный орган культурной пропаганды королевства. В нем появляются некрологи Монтескьё за подписью д'Аламбера и Мопертью. Министр помогает первому редактору газеты Полю-Анри Мале, который сменяет в 1752 г. Лабомеля на кафедре изящной словесности датской академии и становится воспитателем принца Кристиана.

Старания Бернсторфа не спасают его от насмешек. В 1768 г. он сопровождает юного монарха в его европейском вояже по Германии, Нидерландам, Англии и Франции. Впечатления Хораса Уолпола от пребывания Кристиана VII в Лондоне отмечены тонкой иронией:

His court is extremely well ordered; for they bow as low to him as if his name was Sultan Amurat. You would take his first minister for only the first of his slaves. – I hope this example, which they have been so good as to exhibit at the opera, will contribute to civilize us¹³ [Walpole, vol. 35, p. 328].

Смеясь над поведением датчан, Уолпол почти цитирует «Персидские письма», где «московиты» изображены покорными рабами царя, «за исключением четырех семей» (письмо XLIX версии 1721 г.) [Montesquieu, t. 1, p. 265]. Госпожа Дюдефан вторит английскому другу, в письме от 23 августа 1768 г. называя Бернсторфа «подобострастным» («*révérencieux*»), а его манеры – «наигранными» («*factice*») [Walpole, vol. 4, p. 132].

Поведение Бернсторфа представляет собой антитезу и параллель поведению Кантемира. Противник французской политики, философ в душе, русский поэт избегает шумного общества. Уединение превращает его в глазах большого света в просвещенного варвара, персонажа «Персидских писем». Бернсторф, рафинированный европеец, жаждущий знаний, целенаправленно ищет общества известных хозяек салонов и литераторов. Пребывание россиянина в Париже заканчивается дипломатической неудачей и смертью. Служба датчанина на посту во французской столице увенчивается блестящей карьерой и дипломатическими успехами, что не спасает его от насмешек парижского общества – иностранец остается иностранцем.

Список литературы

- Архив князя Воронцова : в 40 т. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1870. Т. 1. 656 с.
Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы : в 2 т. СПб. : И. И. Глазунов, 1868. Т. 2. 462 с.
Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1956. 544 с.
Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство (1740–1750) / пер. с фр. В. А. Мильчиной. М. : ОГИ, 2000. 407 с.

¹³ «При его дворе заведен отменный порядок, и они кланяются ему так низко, как если бы его звали султан Амурат. Вы бы приняли его первого министра за первого из его рабов. Надеюсь, что сей пример, который они столь учтиво продемонстрировали в опере, поможет нам стать цивилизованнее».

Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1903. XIV + 343 с.

Монтескьё Ш. Персидские письма / пер. с фр. под ред. Е. А. Гунста. М. : ГИХЛ, 1956. 400 с.

Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией / публ. Дж. Майелларо // Русско-итальянский архив II. Салерно : [Б. и.], 2002. С. 25–78.

Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией (1740–1744) / публ. Дж. Майелларо // Русско-итальянский архив IV. Салерно : [Б. и.], 2005. С. 147–201.

Серман И. З. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // XVIII век. СПб. : Наука, 1999. Сб. 21. С. 53–61.

СИРИО. 1897. Т. 100. СХLII + 583 с.

Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Третьяковские и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 105–264.

Хавен П. фон. Путешествие в Россию / пер. с дат., вступ. ст., прим., коммент. В. Е. Возгрина. СПб. : Изд-во журн. «Всемирное слово», 2007. 527 с.

ВА. Ms 10287, 10289–10293.

Bernstorffske Papirer : Udvalgte Breve og Optegnelser vedrørende Familien Bernstorff i Tiden fra 1732 til 1835. 3 Bind / udgivne af A. Friis. København : Gyldendal, 1904–1913. 812 + 708 + 727 p.

Bessire F. Voltaire éditeur de Corneille // Dix-septième siècle. 2004. № 4 (225). P. 595–603.

Bibliothèque virtuelle Montesquieu: Catalogue de la Brède (ENS de Lyon, 2016), n° 3127 // Montesquieu bibliothèque & éditions : [website]. URL: <http://montesquieu.huma-num.fr/bibliotheque/fiche/brede/3127> (mode of access: 10.10.2018).

Cantemir A. Satyres de Monsieur le prince Cantemir, traduites du russe en français; avec l'histoire de sa vie. Londres : [Paris] : Jean Nourse, 1750. СХLII + 245 p.

Ehrhard M. Un ambassadeur de Russie à la cour de Louis XV: le prince Cantemir à Paris (1738–1744). Paris : Les Belles Lettres, 1938. 239 p.

Friis A. Bernstorfferne og Danmark : Bidrag til den danske Stats politiske og kulturelle Udviklingshistorie 1750–1835: i 2 vol. København : Det Nordiske Forlag, 1903. Vol. 1. 447 p.

Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin : Akademie-Verlag, 1966. XII + 240 S.

Journal universel ou Mémoires pour servir à l'Histoire civile, politique, ecclésiastique et littéraire du XVIIIe siècle. T. 4, mai 1744. La Haye : L. Berkoske fils, 1744. 168 p.

La Beaumelle J. Angliviel de. Correspondance générale : 18 t. / éd. H. Bost, C. Lauriol, H. Angliviel de La Beaumelle. Oxford : Voltaire Foundation, 2005–. T. 6. 563 p. T. 7. 494 p.

Lauriol C. Etudes sur La Beaumelle. Paris : H. Champion, 2008. 543 p.

Liu N. Dimitrie Cantemir, prince philosophe de Moldavie : Échos européens // Dix-huitième siècle. 1983. № 15. P. 421–439.

Lozinski G. Le Prince Cantemir et la police parisienne (1741) // Le Monde slave. 1925a. T. 2. P. 223–247.

Lozinski G. Trois épisodes de l'ambassade de Cantemir à Paris // Le Monde slave. 1925b. T. 3. P. 402–421.

Lozinski G. Le prince Antioche Cantemir, poète français // Rev. des études slaves. 1925c. T. 5. Fascicule 3–4. P. 238–243.

Marville C.-H. Feydeau de. Lettres de M. de Marville, lieutenant général de police, au ministre Maurepas (1742–1747) / éd. A. de Boislisle : 2 t. Paris : H. Champion, 1896. T. 1. Années 1742–1744. CI + 238 p.

Maugras G. La cour de Lunéville au XVIIIe siècle: les marquises Boufflers et Du Châtelet, Voltaire, Devau, Saint-Lambert, etc. Paris : Plon-Nourrit, 1904. V + 473 p.

[Méhégan G.-A.]. Discours prononcé à l'ouverture des leçons publiques de langue et de belles-lettres françaises. Copenhague : Imprimerie Royale, 1751. VIII + 44 p.

Milliot V. « L'admirable police » : Tenir Paris au siècle des Lumières. Ceyzérieu : Champ Vallon, 2016. 347 p.

Montesquieu Ch. Œuvres complètes : 22 t. / éd. P. Stewart, C. Volpilhac-Augier. Lyon : Paris : Oxford : ENS Éd.; Classiques Garnier; Voltaire Foundation, 2004–. T. 1. 662 p. T. 19. 568 p.

Voltaire. Œuvres complètes : 144 t. / ed. by Th. Besterman. Genève : Inst. et Musée Voltaire, 1974. T. 115. 490 p.

Voltaire, Catherine II: *Correspondance 1763–1778* / éd. A. Stroev. Paris : Non Lieu, 2006. 372 p.

Walpole H. Correspondence : 48 vol. / ed. by W. S. Lewis, W. H. Smith. N. Haven : Yale Univ. Press, 1961–1983. Vol. 4. 497 p. Vol. 35. 649 p.

References

Arkhiv knyazy Vorontsova v 40 t. [Archives of Prince Vorontsov. 40 Vols.]. (1870). Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova. Vol. 1. 656 p.

BA. Ms 10287, 10289–10293.

Bessire, F. (2004). Voltaire éditeur de Corneille. In *Dix-septième siècle*. No. 4 (225), pp. 595–603.

Bibliothèque virtuelle Montesquieu. Catalogue de la Brède (ENS de Lyon, 2016), n° 3127. In *Montesquieu bibliothèque & éditions* [website]. URL: <http://montesquieu.huma-num.fr/bibliotheque/fiche/brede/3127> (mode of access: 10.10.2018).

Cantemir, A. (1750). *Satyres de Monsieur le prince Cantemir, traduites du russe en français; avec l'histoire de sa vie*. Londres, [Paris], Jean Nourse. CXLII + 245 p.

Cantemir, A. D. (1868). *Sochineniya, pis'ma i izbrannyye perevody v 2 t.* [Works, Letters, and Selected Translations. 2 Vols.]. St Petersburg, I. I. Glazunov. Vol. 2. 462 p.

Cantemir, A. D. (1956). *Sobranie stikhotvorenii* [Collected Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 544 p.

Ehrhard, M. (1938). *Un ambassadeur de Russie à la cour de Louis XV: le prince Cantemir à Paris (1738–1744)*. Paris, Les Belles Lettres. 239 p.

Friis, A. (1903). *Bernstorfferne og Danmark: Bidrag til den danske Stats politiske og kulturelle Udviklingshistorie 1750–1835*. 2 Vol. København, Det Nordiske Forlag. Vol. 1. 447 p.

Friis, A. (Ed.). (1904–1913). *Bernstorffske Papirer: Udvalgte Breve og Optegnelser vedrørende Familien Bernstorff i Tiden fra 1732 til 1835*. 3 Bind. København, Gyldendal. 812 + 708 + 727 p.

Grasshoff, H. (1966). *Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst*. Berlin, Akademie-Verlag. XII + 240 S.

Haven, P. von. (2007). *Puteshestvie v Rossiyu* [Journey to Russia Russia] / transl. and ed. by V. E. Vozgrin. St Petersburg, Izdatel'stvo zhurnala "Vsemirnoe slovo". 527 p.

Journal universel ou Mémoires pour servir à l'Histoire civile, politique, ecclésiastique et littéraire du XVIIIe siècle. (1744). Vol. 4, mai 1744. La Haye, L. Berkoske fils. 168 p.

La Beaumelle, J. Angliviel de (2005–). *Correspondance générale*. 18 t. / éd. H. Bost, C. Lauriol, H. Angliviel de La Beaumelle. Oxford, Voltaire Foundation. T. 6. 563 p. T. 7. 494 p.

Lauriol, C. (2008). *Etudes sur La Beaumelle*. Paris, H. Champion. 543 p.

Liechtenhan, F.-D. (2000). *Rossiya vkhodit v Evropu: imperatriisa Elizaveta Petrovna i voyna za Avstriiskoe nasledstvo (1740–1750)* [Russia Enters Europe: Elizaveta Petrovna and the War of the Austrian Succession (1740–1750)] / transl. by V. A. Mil'china. Moscow, Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo. 407 p.

Liu, N. (1983). Dimitrie Cantemir, prince philosophe de Moldavie. Échos européens. In *Dix-huitième siècle*. No. 15, pp. 421–439.

Lozinski, G. (1925a). Le Prince Cantemir et la police parisienne (1741). In *Le Monde slave*. T. 2, pp. 223–247.

Lozinski, G. (1925b). Trois épisodes de l'ambassade de Cantemir à Paris. In *Le Monde slave*. T. 3, pp. 402–421.

- Lozinski, G. (1925c). Le prince Antioche Cantemir, poète français. In *Rev. des études slaves*. T. 5. Fascicule 3–4, pp. 238–243.
- Maiellaro, G. (Ed.). (2002). Peregiska knyazya A. D. Kantemira s sestroi Mariei [Prince A. D. Cantemir's Correspondence with His Sister Maria]. In *Russko-ital'yanskii arkhiv II*. Salerno, S. n., pp. 25–78.
- Maiellaro, G. (Ed.). (2005). Peregiska knyazya A. D. Kantemira s sestroi Mariei (1740–1744) [Prince A. D. Cantemir's Correspondence with His Sister Maria (1740–1744)]. In *Russko-ital'yanskii arkhiv IV*. Salerno, S. n., pp. 147–201.
- Maikov, L. N. (1903). *Materialy dlya biografii knyazya A. D. Kantemira* [Materials for Prince Cantemir's Biography]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. XIV + 343 p.
- Marville, C.-H. Feydeau de. (1896). *Lettres de M. de Marville, lieutenant général de police, au ministre Maurepas (1742–1747)*. 2 t. / éd. A. de Boislisle. Paris, H. Champion. T. 1. Années 1742–1744. CI + 238 p.
- Maugras, G. (1904). *La cour de Lunéville au XVIIIe siècle: les marquises Boufflers et Du Châtelet, Voltaire, Devau, Saint-Lambert, etc.* Paris, Plon-Nourrit. V + 473 p.
- [Méhégan, G.-A.]. (1751). *Discours prononcé à l'ouverture des leçons publiques de langue et de belles-lettres françaises*. Copenhague, Imprimerie Royale. VIII + 44 p.
- Milliot, V. (2016). « L'admirable police »: Tenir Paris au siècle des Lumières. Ceyzérieu, Champ Vallon. 347 p.
- Montesquieu, Ch. (1956). *Persidskie pis'ma* [Persian Letters] / transl. by E. A. Gunst. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 400 p.
- Montesquieu, Ch. (2004–). *Œuvres complètes*. 22 t. / éd. P. Stewart, C. Volpilhac-Auger. Lyon, Paris, Oxford, ENS Éd., Classiques Garnier, Voltaire Foundation. T. 1. 662 p. T. 19. 568 p.
- Serman, I. Z. (1999). Antiokh Kantemir i Franchesko Al'garotti [Antioch Cantemir and Francesco Algarotti]. In *XVIII vek*. St Petersburg, Nauka. Vol. 21, pp. 53–61.
- SIRIO* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. (1897). Vol. 100. CXLII + 583 p.
- Stroev, A. (Ed.). (2006). *Voltaire, Catherine II: Correspondance 1763–1778*. Paris, Non Lieu. 372 p.
- Uspenskii, B. A., Shishkin, A. B. (1990). Trediakovskii i yansenisty [Trediakovsky and the Jansenists]. In *Simvol*. No. 23, pp. 105–264.
- Voltaire. (1974). *Œuvres complètes*. 144 t. / ed. by Th. Besterman. Genève, Institut et Musée Voltaire. T. 115. 490 p.
- Walpole, H. (1961–1983). *Correspondence*. 48 vol. / ed. by W. S. Lewis, W. H. Smith. N. Haven, Yale Univ. Press. Vol. 4. 497 p. Vol. 35. 649 p.

The article was submitted on 12.09.2018